

О ПУТЯХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АНГЛИЙСКОЙ РАБОЧЕЙ АРИСТОКРАТИИ

А. Леонидов

Крупнейшая «крепость» современного реформизма — английская лейбористская партия. В последние годы эта партия включала более половины всех членов так называемого Социалистического Интернационала. Ее лидеры являются главными руководителями международной правой социал-демократии, наследниками Каутского и Бернштейна. Правые социалисты других стран признают первенство лейбористских лидеров и стараются всячески подражать им. Английские реформисты попрежнему толкуют о своих планах распространить английский «демократический социализм» на другие страны Западной Европы и даже на Азию, создать под своим руководством «третью», якобы независимую мировую силу и вернуть «золотой век» социал-демократии.

Правый лейборизм попрежнему пытается выступать перед миром как несокрушимая сила. Однако анализ его положения вскрывает другую картину. В действительности со времени окончания второй мировой войны весь фундамент лейбористской партии медленно, но непрерывно подтачивается изнутри. Английские правые социалисты вступили на путь резких столкновений со значительной частью рабочего класса — столкновений, которые не могут не закончиться их политическим и организационным крахом.

«Бунт» рядовых лейбористов против правых лидеров не утихает. Наследникам Рамсея Макдональда удастся лишь вновь и вновь оттягивать развязку, загонять «болезнь» внутрь. Каждая лейбористская конференция за последние годы проходила в атмосфере напряженной, упорной борьбы, неприкрытого антагонизма между верхами и низами партии. Английские рабочие остаются лейбористами, но усиливают свое сопротивление правому лейборизму, временами вынуждая его идти на отдельные уступки. Крупнейшие отряды английского рабочего класса настаивают на коренном изменении курса лейбористской партии как во внутренней, так и во внешней политике.

Лидеры британского реформизма утверждают, что все дело во «временном» раздражении английских рабочих, вызванном неудачами английской политики в послевоенные годы; что при умелом врачевании по старому социал-демократическому рецепту английские рабочие вернутся к своему обычному благодушию и перестанут бунтовать.

Идеологи правого лейборизма не учитывают самого главного. Нынешняя массовая оппозиция в их партии не похожа на все прежние оппозиционные движения в ее рядах. Нынешние лейбористские руководители имеют дело уже не с тем английским рабочим классом, с которым «справлялись» Макдональд и Гендерсон и кое-как «справлялся» Бевин. Наиболее глубокая причина обострившейся борьбы между верхами и низами лейбористской партии заключается в том, что в результате хронического кризиса и загнивания английского капитализма, все более запутывающегося в своих противоречиях, изменилась структура английского рабочего класса и меняется его политическое лицо.

Периоду безраздельного господства рабочей аристократии в рабочем движении Великобритании, длящемуся почти сто лет, постепенно приходит конец. Сама английская рабочая аристократия, издавна поддерживавшая правую политику реформистских лидеров в силу своей заинтересованности в колониальных и внешнеторговых прибылях капитала, по всем признакам находится на ущербе. На широкую дорожку рабочего движения, давно указанную Коммунистической партией Англии, медленными, подчас еще неуверенными шагами выходит лейбористская пролетарская масса

Вопрос о возникновении рабочей аристократии в Англии и ее влиянии на рабочее движение, впервые разработанный Энгельсом, был в первые два десятилетия нашего века с исчерпывающей ясностью освещен В. И. Лениным. Но специального исследования о рабочей аристократии в Англии нет и поныне¹, и вопрос о путях ее развития в период общего кризиса капитализма во всей полноте еще не изучен. Не претендует на всестороннее рассмотрение этого вопроса, разумеется, и автор данной статьи. Он ограничивается попыткой проследить связь между положением рабочей аристократии и развитием английского лейборизма в последние десятилетия.

Еще в 1858 г. в письме к Марксу Энгельс указывал на стремление английской буржуазии иметь рядом с собой «буржуазный пролетариат»². На протяжении почти целого столетия опекаемая капиталом рабочая аристократия удерживала в своих руках руководство рабочим движением в Англии. Она ревниво охраняла свои высокие заработки, свои социальные привилегии, свои связи с буржуазией и прежде всего свои бастионы — профессиональные союзы. Это была настоящая каста. Она принадлежала к рабочему классу, но как бы стояла над ним. В XX век британская рабочая аристократия вступила в уверенности, что ничто не сможет поколебать ее положения, ее привилегии и ее господства над тред-юнионами.

Количество членов тред-юнионов, объединенных в «конгресс» (БКТ), увеличилось с 1 470 тыс. в 1890 г. до 2 232 тыс. в 1913 г. и 4 669 тыс. в 1939 г.³, то есть утроилось за 50 лет. В тред-юнионы вступили за это время миллионы низкооплачиваемых рабочих, не обладавших никакими привилегиями и не унаследовавших реакционных tradi-

¹ В числе авторов, уделявших внимание этой теме, следует назвать М. Рубинштейна (см. его книгу «Социальные корни реформизма». М. 1926). Краткие данные об экономическом положении английской рабочей аристократии содержались в сборнике Института мирового хозяйства и мировой политики Академии наук СССР «Положение рабочего класса в капиталистических странах за 20 лет (1917—1937)» (М. 1938). Более обстоятельные данные, в частности за период с 1869 по 1932 г., приведены у Ю. Кучинского в работе «История условий труда в Великобритании и Британской империи» (новое издание «Die Geschichte der Lage der Arbeiter in England von 1640 bis in die Gegenwart». B. IV. 3. Teil, «Seit 1832». Berlin. 1955). Замечания о роли рабочей аристократии в Англии можно найти у Ф. А. Ротштейна в его «Очерках по истории рабочего движения в Англии» (изд. 2-е. М. 1925, глава «Корни соглашательства»). Из книг советских авторов, вышедших в последние годы, следует указать на работу Е. Варга «Основные вопросы экономики и политики империализма (после второй мировой войны)» (М. 1953). В самой Англии литература на эту тему очень бедна. Лейбористские, так же как консервативные и либеральные авторы, как правило, избегают писать о рабочей аристократии; они как бы ее не замечают. К сожалению, мало внимания уделили этому вопросу прогрессивные историки британского рабочего движения Ральф Фокс и Аллен Хатт. Интересный материал содержится в книге Джеймса Джеффриса «The Story of the Engineers. 1800—1945» (London. 1945), в которой автор, однако, избегает социально-политического анализа. Необходимо также указать на статью Е. J. Hobsbawm «The Labour Aristocracy in 19th century Britain» в сборнике «Democracy and the Labour movement» (London, 1954), p. 201—239.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат. 1947, стр. 105.

³ «Whitaker's Almanack». London. 1952, p. 575.

ций и взглядов старших поколений (хотя даже в 1939 г. более трех четвертей лиц, зарегистрированных государственной статистикой в качестве трудящихся, все еще оставалось за чертой «конгресса» тред-юнионов)⁴.

Но, несмотря на свое подавляющее численное преобладание, эти миллионы рабочих из «низших» слоев на деле не пользовались в тред-юнионах большим влиянием. Им выдавались членские карточки, они платили взносы и выполняли инструкции местных и центральных профсоюзных комитетов; от их имени правые тред-юнионистские лидеры вели переговоры и заключали сделки с предпринимателями. Но с точки зрения этих лидеров рабочие из «низших» слоев оставались второразрядными членами тред-юнионов, права которых всячески урезывались. Узкая прослойка «блестящей» рабочей аристократии, своекорыстных и консервативных элементов, не выпускала из своих цепких рук руководства тред-юнионами, контролируя центральные, средние и даже низовые звенья их аппарата.

Рабочая аристократия избирала вожakov тред-юнионов из своей среды и заботливо охраняла их от «посягательств» и критики со стороны низов. Ее представители, как правило, из года в год решали все вопросы на конференциях отдельных союзов, образуя сплоченное ядро влиятельных делегатов, и проводили своих кандидатов на выборах. Одни и те же люди десятки лет почти бесконтрольно управляли важнейшими тред-юнионами, являясь скорее их несменяемыми директорами-хозяевами, чем выборными функционерами. Бевин господствовал в профсоюзе докеров (позднее — транспортников и неквалифицированных рабочих) 20 лет, передав затем бразды правления своему помощнику Дикину. Джозеф Халлсуортс управлял союзом работников торговой и распределительной сети 45 лет, сначала в роли заместителя секретаря, а затем в качестве генерального секретаря. Руководители профсоюзов горняков, судостроителей и электриков Эдвардс, Уэствуд и Басси не сменялись на протяжении 16—18 лет. Ситрин возглавлял Генеральный совет «конгресса» тред-юнионов в течение двух десятилетий⁵.

Все это были не просто доверенные люди «аристократической» касты, члены ее постоянного штаба, неумоимо заботившиеся об интересах наиболее высокооплачиваемых рабочих в противовес интересам низших слоев. Это были властолюбивые бюрократы, «боссы», рассматривавшие тред-юнионы как свои вотчины или коммерческие фирмы. Они покидали свои посты лишь за выслугой лет или при назначении на крупные министерские и административные должности в периоды правления лейбористских кабинетов. Аппарат каждого тред-юниона сверху донизу кишел ставленниками и приятелями боссов. Рабочая аристократия возвышалась и оберегала их; они укрепляли и оберегали рабочую аристократию при содействии капиталистов.

Для того, чтобы закрепить свою экономическую и политическую гегемонию над рабочим движением, английская рабочая аристократия выработала целую систему организационных гарантий, страховавших ее позиции от напора пролетарских масс. В первую очередь она всячески стремилась закрепить цеховой характер тред-юнионов, превращавший их в замкнутые организации, напоминавшие средневековые ремесленные гильдии. Еще в 1914 г. в Англии существовало 1 260 самостоятельных профсоюзов; в среднем на каждый союз приходилось не более трех с половиной тысяч членов⁶. Дробление движения на мелкие обособленные организации не только облегчало реакционным профсоюзным дельцам заключение невыгодных рабочему классу сделок с централизован-

⁴ Там же, стр. 574 (число самодеятельного населения) и стр. 575 (число членов «конгресса» тред-юнионов).

⁵ «Who's who?». London. 1950—1952.

⁶ Большая Советская Энциклопедия. Т. 54. М. 1946, стб. 750.

ными синдикатами предпринимателей, но и помогало им отвлекать членов союзов от широкой политической деятельности, от подлинной классово-вой борьбы. Позднее, как мы увидим, в связи с изменениями в технике производства и быстрым ростом числа низкооплачиваемых рабочих, наиболее влиятельные из тред-юнионистских бюрократов изменили тактику и начали «перекупать» у мелких боссов отдельные союзы, но лишь для того, чтобы присоединять их к своим личным вотчинам, сохраняя по мере возможности их старый цеховой аппарат.

Второй, не менее существенной гарантией господства рабочей аристократии служила внутренняя структура тред-юнионов, основанная прежде всего на системе профессионального отбора членов и на институте ученичества. В ряде важных отраслей промышленности не всякий рабочий имел право вступить в тред-юнион. Это обуславливалось степенью его квалификации, то есть, по существу, размером его заработка. Чем выше был заработок, тем более желательным для тред-юниона был данный рабочий и тем вернее обеспечивалось его продвижение внутри местной организации. Так, например, союз машиностроителей был почти полностью монополизирован наиболее высокооплачиваемыми профессиями — слесарями и токарями⁷, упорно не допускавшими в него «полуквалифицированных». Такой же жесткий отбор проводился в союзе судостроителей, в союзах печатников и других.

Пополнение кадров из рядов молодежи проводилось на основе тех же принципов. В некоторые важнейшие союзы молодые рабочие допускались лишь после прохождения установленного самими тред-юнионами обязательного ученического стажа, длившегося 5—7 лет. Не все молодые рабочие были в состоянии пройти такое длительное ученичество, получая грошовую плату. Выдерживали главным образом сыновья более обеспеченных семей, которые и попадали в профсоюзы. Состав организации исподволь отсеивался — свой к своему. Более пролетарские союзы — чернорабочих, сельскохозяйственных рабочих и другие — были в загоне; их развитие систематически тормозилось правым руководством БКТ, которое нередко просто саботировало создание таких организаций.

Третьей гарантией господства рабочей аристократии было ее преобладание на политической арене рабочего движения, то есть ее фактическая диктатура внутри лейбористской партии. Это преобладание также было застраховано определенным организационным уставом. Боссы не позволяли рабочим непосредственно вступать в партию: до 1918 г. вообще не существовало индивидуального членства. Лейбористская партия, по существу, вовсе не была партией, а лишь верхушечным объединением других организаций. Рабочие могли числиться ее членами лишь косвенно, через посредство своих тред-юнионов, кооперативных союзов, Фабианского общества, «Независимой рабочей партии» (в то время особой организации реформистов), «Социал-демократической федерации» и т. д. Каждая из этих организаций являлась «коллективным членом» партии и на партийных конференциях обладала числом голосов, соразмерно количеству ее членов. На этой основе проводились голосование и выборы на конференциях. Так как тред-юнионистские боссы распоряжались подавляющим количеством голосов, то они и диктовали без всяких ограничений политику партии и держали в руках ее аппарат, то есть лейбористскую парламентскую фракцию, окружные избирательные комитеты и исполком; другого общепартийного лейбористского аппарата до 1918 г. не существовало.

Все кандидаты на выборах в палату общин назначались тред-юнионистскими боссами и, за редкими исключениями, из их же среды. Кандидаты других организаций, входящих в состав лейбористской партии,

⁷ James B. Jefferys. The Story of the Engineers, 1800—1945. London. 1945, p. 207—208.

могли быть выдвинуты в парламент лишь в том случае, если тред-юнионы это санкционировали и выделяли средства для проведения избирательной кампании в соответствующем округе. Касса исполкома, помимо подачек со стороны капиталистических благодетелей из фабианских кругов, целиком зависела от так называемых «политических взносов» тред-юнионов. Этот взнос в обязательном порядке уплачивали рабочие, чем и должно было ограничиваться их участие в лейбористской партии. Последняя, таким образом, являлась в организационном отношении не более чем комитетом профсоюзных лидеров.

В 1918 г. тред-юнионистская верхушка разрешила создавать «самостоятельные» местные организации партии и принимать индивидуальных членов. Это означало, что тред-юнионист при желании мог стать двойным членом (непосредственно и через свой союз), а также, что в партию могли теперь вступать лица, не принадлежащие к рабочему классу. Правые лидеры провели эту реформу в первую очередь для того, чтобы облегчить вступление в лейбористскую партию буржуазных и мелкобуржуазных элементов. Но в те годы это новшество несколько не ослабило засилья тред-юнионистских вожakov в лейбористской партии. В 1921 г. число профсоюзных голосов на ежегодной лейбористской конференции более чем в 100 раз превышало число голосов всех остальных организаций⁸. Лейбористский исполком все еще по существу представлял собой сборище представителей и агентов Генерального совета конгресса тред-юнионов. Рабочая аристократия попрежнему владела тред-юнионами, а тред-юнионы продолжали владеть лейбористской партией. Персонально вся эта система после первой мировой войны воплощалась в человеке, который олицетворял все три «этажа» этой пирамиды, — в Эрнесте Бевине.

Бевин был крупнейшим политическим представителем английской рабочей аристократии за последние десятилетия и с 1935 по 1951 г. подлинным руководителем лейбористской партии. Политика Бевина была прежде всего направлена на то, чтобы восстановить силы британского капитализма и гарантировать ему возможность попрежнему расходовать частицу максимальной прибыли монополий на укрепление рабоче-аристократической касты.

Но Бевин потерпел неудачу. Зенит его карьеры пришелся как раз на период острого кризиса английской буржуазии и ослабления касты, к которой принадлежал Бевин.

Положение рабочей аристократии в Англии было поколеблено уже до первой мировой войны. В период между двумя войнами процесс ее ослабления ускорился и обозначился довольно четко для окружающих. Но сама рабочая аристократия все еще не признавала, что время ее расцвета проходит. После второй мировой войны ее вожаки непосредственно стали у власти. Английская рабочая аристократия считала, что для нее наступила пора возрождения, нового блеска и новых побед. В действительности период правления ее лидеров явился для нее началом новых невзгод.

Процесс ослабления рабочей аристократии развивался медленно, но неуклонно. Он проходил одновременно в трех формах. Во-первых, в связи с изменениями структуры английской промышленности сужалась социальная база рабоче-аристократической касты, то есть сокращалось число высокооплачиваемых рабочих по сравнению с числом низкооплачиваемых, «низшей» массой. Во-вторых, помимо количественного сокращения, рабочая аристократия деградировала в качественном отношении: ухудшалось ее собственное материальное положение, отпадали ее старые привиле-

⁸ «Whitaker's Almanack». London. 1922, p. 841.

гии. В-третьих, в результате количественного и качественного ослабления социальной базы рабочей аристократии уменьшалось ее политическое значение в стране, ее влияние в «низах» и «верхах» лейбористского движения, вырождались ее лидеры.

Кризис рабочей аристократии развивался на фоне общего кризиса капитализма и специфических затруднений английского капитализма, являясь одним из прямых следствий этих процессов. Те же силы, которые, находясь на подъеме, породили и возвысили рабочую аристократию, тянули ее вниз за собой в период своего ускоренного загнивания. Эту связь необходимо постоянно иметь перед глазами.

Усиливавшиеся паразитические тенденции в развитии английского капитализма после первой мировой войны, его тогдашняя политика свертывания национальных производительных сил и увеличенного экспорта капитала, технический застой в ряде отраслей английской промышленности в те годы, обострявшаяся американская, германская и японская конкуренция, нарастающая хроническая безработица — все это неизбежно приводило к изменению структуры английского рабочего класса. Дegradiровали, становились неконкурентоспособными целые отрасли промышленности, в прошлом являвшиеся средоточием рабочих, прошедших длительный стаж специального обучения, получавших особенно высокую заработную плату и поставленных предпринимателями в привилегированные условия. Сыновья этих рабочих были сплошь и рядом вынуждены отказываться от профессии отцов; для них либо уже не было места, либо они сами предпочитали избирать другие профессии, менее высокооплачиваемые, но не требующие от них прохождения пятилетнего или семилетнего срока обучения с риском оказаться затем в армии безработных. Эти молодые рабочие уже выбывали из состава рабочей аристократии и утрачивали консервативные навыки, традиции, во многих случаях и взгляды своих отцов.

В связи с этим началось отмирание института ученичества, специально учрежденного старыми тред-юнионами для пополнения и тренировки кадров рабочей аристократии. Уже в 1925 г. в такой «аристократической» в прежние времена отрасли английской промышленности, как машиностроение, менее одной трети всех юношей в возрасте до 21 года работали в качестве учеников. Историк тред-юниона машиностроителей Джеймс Джеффрис пишет в своей книге, изданной в 1945 г.: «Система ученичества перестала быть главным и основным каналом, через который пополнялась эта профессия. Большинство молодежи стало попадать в эту отрасль промышленности, не проходя своего срока ученичества»⁹. То же происходило в ряде других привилегированных тред-юнионов.

Это был серьезный удар по организационной системе рабочей аристократии. С упадком института ученичества она начинала утрачивать одну из важнейших гарантий своего «воспроизводства» как социальной силы: как раз бывшие ученики имели гарантированное право на повышенные оклады. И это было делом рук ее собственного патрона — капитала, притом не только косвенным образом. Политика правящих монополий, направленная в те годы на сокращение производства внутри страны, увеличивала угрозу безработицы и тем самым отрывала сыновей высокооплачиваемых рабочих от отцов. В то же время английские предприниматели, начиная с двадцатых годов и особенно после тяжелого кризиса в начале тридцатых годов, уже во многих случаях намеренно способствовали такой перегруппировке состава рабочего класса. Испуганные сужением мировых рынков и снижением своих прибылей, они были заинтересованы в увеличении доли дешевой рабочей силы на рынке труда, в крайнем случае даже ценой сокращения числа преданной им рабочей аристо-

⁹ James B. Jefferys. Указ. соч., стр. 205.

кратии. Это противоречие между финансовыми и социальными интересами монополий было грозным симптомом для касты, возглавляемой Бевингом и Ситрином.

Теми же причинами был вызван и другой тяжелый удар по этой касте: прогрессирующее вытеснение рабочих старых, «высококвалифицированных» категорий рабочими новых, «полуквалифицированных» профессий. Тут речь шла уже не об упадке института ученичества внутри той или иной профессии, а об упадке самой данной профессии, то есть о структурном изменении производственного аппарата. Так, например, в той же машиностроительной промышленности происходило постоянное увеличение числа рабочих, связанных с новейшими методами массового производства, — сверловщиков, сварщиков, фрезеровщиков — за счет числа рабочих старых категорий с большей долей ручного труда: слесарей, токарей, кузнецов¹⁰.

Казалось, что подобная перегруппировка являлась произвольным результатом изменений техники производства, прогрессирующего разделения труда, применения новых машин и конвейеров. Это было верно, но и тут сам капитал вмешивался в процесс, чтобы выгадать на нем сколько-нибудь за счет своих старых клиентов из рабочей аристократии. С технической точки зрения работа сварщика или фрезеровщика, несомненно, являлась квалифицированным трудом; механизация и упрощение производственного процесса повышали интенсивность труда и увеличивали ответственность рабочего. Но предприниматели, используя существование огромной армии безработных, решали проблему по-своему. Указывая на то, что труд рабочих «новых профессий» в механизированных цехах не требует длительного обучения и стажа или особой личной сноровки, они включали таких рабочих в разряд «полуквалифицированных», то есть назначали им пониженную заработную плату.

Техника выдвигала этих рабочих на первый план, монополии производили перерасчет ставок рабочей силы. Количество «полуквалифицированных» непрерывно росло. В результате тред-юнионы — старые объединения «квалифицированных» — были вынуждены открыть им свои двери. Отказаться от этого, сохранять прежнюю замкнутость — значило пойти на еще более опасный риск появления новых, параллельных массовых союзов. Тред-юнион машиностроителей был в свое время создан слесарями, считавшими себя аристократами среди рабочих. Долгое время этот тред-юнион считался монополией слесарей и токарей. Еще в 1926 г., по данным Джеффриса, к разряду «полуквалифицированных» принадлежало всего 11% членов союза. В 1939 г. их доля равнялась уже 39%, причем к их категории принадлежало около трех пятых всех вновь вступающих в союз. В 1944 г. более 42% всех членов союза составляли «полуквалифицированные».

Подобные цифры были весьма показательны. Технические изменения в производстве влекли за собой социальные изменения, социальные перемены вызывали политические. Под поверхностью английской политической сцены происходили значительные сдвиги. Видоизменялся — медленно, еще неощутимо для широких кругов общественности, но непрерывно — состав лейбористского движения. Значение старой касты рабочей аристократии постепенно уменьшалось (относительно еще более, чем абсолютно), так как число полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих увеличивалось еще быстрее, чем сокращалось число высокооплачиваемых рабочих ввиду отхода «учеников», изменения ставок заработной платы и вымирания старых, технически отставших предприятий.

Новые рабочие приходили большей частью из «низших» слоев. Политический облик этих рабочих определялся частично их социальной сре-

¹⁰ Там же, стр. 206.

дой, более свободной от реакционных предрассудков и традиций привилегированных рабочих, частично их собственным экономическим положением, значительно более тяжелым, чем положение этих последних. Немалую часть новых рабочих составляли женщины. В машиностроении женщины составляли в 1907 г. всего 3% общего количества рабочих, в 1924 г. — 8,5%, в 1935 г. — 13,2%¹¹. В других, менее замкнутых отраслях промышленности внедрение женского труда в производственный процесс происходило гораздо быстрее. В целом число трудящихся женщин в Англии превысило в 1939 г. 5 миллионов, составив свыше одной четверти всего самодеятельного населения¹².

Экономическая депрессия и обнищание рабочих продолжали толкать их жен и дочерей в ряды промышленного пролетариата. Предприниматели, со своей стороны, опять-таки поощряли этот процесс: заработная плата работниц, отнесенных к разряду полуквалифицированных, была еще ниже, чем плата мужчин той же категории. Как раз это неравенство в оплате труда содействовало устранению политической индифферентности среди работниц, укрепляя их оппозиционные настроения не только по отношению к предпринимателям, но и по отношению к тред-юнионистскому руководству, отказывавшемуся принимать действенные меры, чтобы добиться равной оплаты труда. Рабочая аристократия попрежнему с пренебрежением относилась к труду женщин, рассматривая их как нежелательный элемент в промышленности и считая, что их место в кухне, при детях и в церкви. Это отношение подтвердилось на практике после второй мировой войны, когда лейбористские министры категорически отказались выполнить свое предвыборное обещание и провести закон о равной оплате женского и мужского труда. Такая же дифференциация заработной платы проводилась и в отношении рабочей молодежи, что также отзывалось на ее настроениях.

Вторая мировая война дала новый резкий толчок процессу структурных изменений в английском рабочем классе. В XIX в. рабочая аристократия Англии почти не принимала участия в войнах. Для пополнения кадров британских колониальных армий было достаточно небольшого количества наемников, рекрутировавшихся из среды наименее обеспеченных низших слоев пролетариата и, в частности, из сыновей обнищавших ирландских фермеров. Английский капитал заботливо оберегал свою рабочую гвардию, даже на время не отрывая ее от производства. Введенная в годы первой мировой войны всеобщая воинская повинность была затем отменена.

В период 1939—1945 гг. английской буржуазии пришлось снова провести всеобщую мобилизацию. Кадры промышленных рабочих были пополнены из новых слоев, в первую очередь женщинами. В самолетостроении во время войны женщины составляли 40% всех рабочих, на артиллерийских заводах — свыше половины; их доля в составе тред-юнионов увеличилась в 1942 г. по сравнению с 1896 г. с 9 до 22%¹³. После окончания войны часть женщин была вытеснена из промышленности, но в 1951 г. число женщин-работниц достигало уже 7,37 млн., равняясь почти одной трети всей наемной рабочей силы. Доля женщин в тред-юнионах составляла теперь 24% в типографской и бумажной промышленности, 32% в государственных учреждениях (обслуживающий персонал), 41% в текстильной промышленности (кроме хлопчатобумажной), 66% в хлопчатобумажной и 74% в швейной промышленности¹⁴.

Правда, изменения технологии производства и промышленного управления в эпоху монополистического капитала в то же время содействовали

¹¹ Там же, стр. 207.

¹² «Whitaker's Almanack», London. 1952, p. 574.

¹³ Большая Советская Энциклопедия. Т. 54, стб. 750

¹⁴ «Whitaker's Almanack», London. 1952, p. 575.

возникновению новой, значительно более узкой группы «аристократов» среди лиц наемного труда — техников и административных служащих с особенно высокими окладами. Но эти «аристократы» новейшей формации, как правило, уже отказывались причислять себя к рабочему классу и не входили в тред-юнионы БКТ. Они старались войти в круг буржуазии, а в политическом отношении большей частью тяготели к консервативной партии. К старой лейбористской рабочей аристократии они имели мало отношения.

Сужение базы рабоче-аристократической касты, то есть сокращение числа высокооплачиваемых рабочих по сравнению с количеством средне- и низкооплачиваемых, усугублялось потрясениями внутри самой этой касты — потрясениями прежде всего экономического порядка. Ее собственное материальное положение с тридцатых, и особенно с сороковых, годов заметно ухудшилось по сравнению с былыми временами. Жизненный уровень английского «рабочего аристократа» попрежнему значительно превышал уровень жизни рядового пролетария; расстояние между ними до известной степени уменьшилось — в некоторых отраслях промышленности даже довольно заметно, но все же сохранилось. Для высокооплачиваемого рабочего, однако, имела конкретное значение не столько разница между его положением и положением другого рабочего, сколько разница между его собственным нынешним и прежним положением. А эта разница становилась весьма ощутимой.

Ослабление английского капитализма все чувствительнее отзывалось на состоянии его отборной рабочей гвардии. Теперь наконец последней приходилось сталкиваться лицом к лицу с угрозой уменьшения колониальных и внешнеторговых прибылей — того источника, из которого столько десятилетий подкармливалась рабочая аристократия и который она считала неиссякаемым.

Английские монополии попрежнему извлекали миллиарды фунтов стерлингов из эксплуатации колоний и торговли на мировых рынках. Все же ее барыши урезывались зарубежными конкурентами. Рост национально-освободительного движения угрожал английским капиталовложениям в Азии и Африке. Монополисты не испытывали ни малейшего желания относить свои убытки на собственный счет. Они компенсировали себя прежде всего за счет основной массы рабочего класса, методически снижая ее жизненный уровень. Но теперь этот нажим затрагивал и привилегированных рабочих. Крупная буржуазия приходила к выводу, что в новых условиях не дело «переоплачивать» целые слои квалифицированных рабочих в прежних размерах. Существовавший для рабочей аристократии «санаторный режим» мало-помалу урезывался. Ее все еще «жалели», о ней все еще заботились, но далеко не в той мере, как прежде.

Английский капитализм начал постепенно вступать на этот путь уже перед второй мировой войной. С сороковых годов и особенно после войны какой-либо другой путь был для него закрыт. Капиталистической экономике Англии приходилось бороться с серьезными затруднениями; внешнеполитическое положение страны все более усложнялось. Монополии считались с перспективой новых опасных колониальных войн, с возможностью утраты богатейших колоний и доминионов, с неизбежностью наступления американского капитала и его сателлитов. Не время было создавать исключительные условия для привилегированных рабочих. «Пусть они участвуют в оплате счета; на то и существует лейбористское правительство, чтобы держать на привязи своих сторонников; пусть терпящая кое-какие лишения привилегированная рабочая каста утешается

тем, что ее вожаки восседают в министерских креслах» — так не говорили английские монополисты, но так они думали и так действовали.

Между десятилетием 1869—1879 и периодом 1887—1895 гг. средняя реальная заработная плата рабочей аристократии в Англии увеличилась на 15%, реальная заработная плата основной массы рабочих — только на 7%. Зарботки рабочей аристократии в те времена росли вдвое быстрее, чем зарботки «низших» слоев. Совершенно противоположный процесс происходил уже с 1895 по 1932 год. За этот период реальная заработная плата «верхнего» слоя снизилась на 9%, плата основной массы — на 5%¹⁵. Теперь зарботки рабочей аристократии падали почти вдвое быстрее, чем зарботки основной массы рабочих. Эти цифры указывали на важные изменения в социальной жизни Англии.

После второй мировой войны та же тенденция обозначилась еще резче. В начале первой мировой войны ставка слесаря или токаря в Англии превышала минимальную ставку чернорабочего на 70%, через четыре года после конца второй мировой войны — всего лишь на 16%¹⁶. В конце 1953 г., согласно заявлению члена национального комитета тред-юниона машиностроителей В. Паркера, разница в заработной плате квалифицированного и неквалифицированного рабочего в машиностроительной промышленности, равнявшаяся до второй мировой войны 28%, составляла уже только 15%. «Нетрудно представить, какое недовольство вызывает это обстоятельство среди кадровых рабочих машиностроительной промышленности»¹⁷, — добавлял Паркер.

Все это имело разительный результат: бывшая рабочая аристократия стала в некоторых случаях организовывать забастовки. Это делалось вопреки праволейбористским лидерам. Мало того. Как явствует из рассказа Паркера, в последние годы дело доходило до того, что правая верхушка была подчас вынуждена применять новую тактику разжигания конфликтов между квалифицированными и неквалифицированными рабочими — прямо противоположную ее прежним методам. Не в силах отстоять перед капиталом интересы квалифицированных рабочих и удержать их от забастовок, она пыталась, по крайней мере, воспрепятствовать участию в этих забастовках неквалифицированных рабочих, изолировать их от раздраженного «высшего» слоя и даже возбудить их против него. Эти попытки терпели провал. Так, например, произошло при 24-часовой забастовке в машиностроительной промышленности 2 декабря 1953 г., в которой приняло участие огромное большинство неквалифицированных рабочих.

Такую же тактику и так же безуспешно проводили праволейбористские лидеры и в дни железнодорожной забастовки в мае — июне 1955 г., напугавшей всю английскую буржуазию. Забастовка возникла в связи с требованием тред-юниона железнодорожных машинистов и кочегаров, не входящего в состав массового национального союза железнодорожников, восстановить разницу в заработной плате наиболее и наименее квалифицированных рабочих путем повышения ставок первой из этих групп на 5½ шиллингов. И в этом случае прежние рабочие аристократы были преданы капиталом, покинуты правыми лейбористами и вынуждены бастовать в союзе с низкооплачиваемыми рабочими.

Английскому рабочему из «высшего» слоя приходилось размышлять по-новому. Начавшееся еще до войны, усилившееся во время войны и продолжавшееся в годы лейбористского правления падение реальной заработной платы чувствительно затронуло семейный бюджет этого рабочего. Политика усиленной эксплуатации труда ударила и по нему. Инфляция поглощала сбережения высокооплачиваемого рабочего, вой-

¹⁵ Jürgen Kuczynski. Die Geschichte der Lage der Arbeiter in England. Berlin. 1949, S. 168, 218.

¹⁶ «Economist», London, 28 января 1950 г., стр. 184.

¹⁷ «Всемирное профсоюзное движение», январь 1954 г., стр. 10.

на отняла или повредила его старый коттедж, общее напряжение в стране нарушало его бытовые навыки, угроза новой войны портила его настроение. Время покоя, «комфорта», равновесия в его жизни прошло. Он уже не мог считать себя обеспеченным. Одно это в какой-то мере подрывало основу всей его прежней психологии, построенной на сочувствии «либеральному» капиталистическому обществу, вере в него и на собственном самодовольстве. Все шло не так, как он думал. Предприниматели изменили тон. Лейбористские министры не выполнили того, что обещали; они заботились больше всего о себе. Тред-юнионистские боссы, которых он сам же «вывел в люди», выбирал на их должности, хлопал по плечу, помогал взбираться по политической лестнице, — взобравшись, перестали оглядываться на него, все еще стоящего внизу. Они приобретали виллы, разъезжали в роскошных автомобилях, пировали с богачами, выдавали за них своих дочерей, становились лордами и баронетами, а ему стало хуже, чем прежде.

Рабочие из бывших «обеспеченных» уже испытывали глухое недовольство правлебористским режимом, такое же недовольство, какое ощущали обедневшие мелкобуржуазные слои. Беседы с такими рабочими не оставляли сомнений на этот счет. Кое-кто из них уже начинал подумывать о смене традиций и переходе на сторону консерваторов, пожалуй, более солидных специалистов в деле «укрепления частной собственности». Может быть, Черчилль все же даст то, чего не дали Эттли и Бевин? Другие — те, которым приходилось похуже и от «аристократизма» которых уж ничего не оставалось, разве только портреты в семейном альбоме и спрятанные в шкафу грамоты о приобретении высшей квалификации, — начинали прислушиваться к голосам слева. Рабоче-аристократическая каста сужалась и слабела, и это непосредственно отзывалось на ее старом политическом представительстве — правом лейборизме; отзывалось на нижних и на верхних этажах всего лейбористского движения.

На «нижнем этаже» изменения затронули членский состав тред-юнионов и в связи с этим их организационную структуру. В 1946 г. общее число членов союзов, примыкавших к конгрессу тред-юнионов (к ним относились все значительные союзы в Англии, кроме двух), достигло 6,67 млн. человек, составив одну треть населения страны, зарегистрированного в качестве трудящихся¹⁸. К 1951 г. тред-юнионы насчитывали 7,83 млн. членов из общего числа 23,32 млн. трудящихся¹⁹. В XIX в., как в свое время отмечал В. И. Ленин, тред-юнионы охватывали не более одной пятой части пролетариата²⁰. Подавляющее большинство членов тред-юнионов составляли теперь необеспеченные рабочие и работницы, в значительной мере свободные от консервативных традиций и не согласные с политикой ограничения деятельности тред-юнионов узкопрофессиональными и экономическими вопросами.

Влияние рабочей аристократии в низовых тред-юнионистских организациях уменьшилось, хотя и в меньшей степени, чем сокращение ее численной доли в их составе. Некоторые союзы насчитывали теперь примерно три четверти миллиона и даже свыше одного миллиона членов (союз транспортников и неквалифицированных рабочих). В 1951 г. существовало уже не более 186 тред-юнионов; на каждый союз приходилось в среднем 42 тыс. членов, тогда как в 1896 г. — 1 200²¹. Правда, неко-

¹⁸ «Whitaker's Almanack», London. 1952, p. 575; «Statement on the Economic considerations affecting relations between Employers and Workers». London. 1947, p. 9.

¹⁹ «Whitaker's Almanack», 1952, p. 574, 575. Следует учесть, что английская статистика включает в число трудящихся также лиц различных буржуазных профессий, получающих оклады, например, чиновников и даже дельцов.

²⁰ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 108.

²¹ Подсчет произведен на основе данных Большой Советской Энциклопедии. Т. 54, стб. 750 (за 1896 г.) и ежегодника «Whitaker's Almanack». 1952, p. 575 (за 1951 г.).

торые союзы (в частности в хлопчатобумажной промышленности) представляли собой федеративные объединения более мелких организаций, с включением которых число тред-юнионов повышалось до 336. Однако 13 из крупнейших союзов охватывали теперь почти 70% всех членов движения²². Большую роль стали играть конфедерации тред-юнионов родственных отраслей промышленности, как, например, созданная в 1946 г. конфедерация профсоюзов судостроителей и машиностроителей (около 1,5 млн. членов).

Хотя, заменяя мелкие цеховые объединения крупными союзами, правые руководители строили их по мере возможности в форме автократических корпораций с целью подчинить себе массы и помешать возникновению самостоятельных организаций полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих, образование массовых тред-юнионов все же резко ослабило влияние правых функционеров и лидеров. Поддержка профсоюзной бюрократией мероприятий лейбористского правительства, направленных против интересов рабочего класса, постоянно дискредитировала эту бюрократию в глазах масс. Волна «незаконных» стачек, принятых рабочими вопреки прямому запрету боссов, становилась хроническим явлением; такие стачки организовывались в первую очередь как раз членами ведущих союзов. Все более учащались случаи, когда не только отдельные местные и окружные организации, но и целые тред-юнионы на своих ежегодных конференциях выносили антиправительственные резолюции по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики. Доходило до того, что отдельные профсоюзные руководители, стоявшие ближе к низам или встревоженные ростом массовой оппозиции на местах, выступали с «крамольными» заявлениями. Одним из них явился, например, Джеймс Фиггинс — до 1954 г. генеральный секретарь такого влиятельного тред-юниона, как союз железнодорожников, из рядов которого выдвинулся в свое время известный праволейбористский лидер Джим Томас. Волновались и функционеры средних звеньев. В целом ряде передовых союзов, включая мощный тред-юнион горняков, рабочие выбирали новых руководителей из числа коммунистов или прогрессивных лейбористов.

Создавалось положение, неслыханное в истории тред-юнионизма: правые лидеры, генералы рабочей аристократии, больше не могли быть уверенными в том, что «солдатская» масса останется под их командованием. Для Англии этот факт имел историческое значение.

Осложнялось положение для этих генералов и во втором секторе лейбористского движения — в рядах местных организаций лейбористской партии. Эти организации, созданные в 1918 г. правыми лидерами с целью укрепления своих позиций в парламентских избирательных округах и привлечения нерабочих элементов, включали политически более активных тред-юнионистов, а также мелкобуржуазные и интеллигентские слои. Между функционерами этих организаций и тред-юнионистскими вожаками давно происходило соревнование за места в общепартийном аппарате. В 1949 г. число членов местных лейбористских организаций достигло почти 900 тыс.; их представителям в исполкоме было отведено 7 мест из 27. Четверо из этих представителей принадлежало к правому крылу, трое — к новой оппозиционной группировке Эньюрина Бивена. Доля рабочей аристократии в сравнительно молодых местных организациях была незначительна; их устав был менее автократическим, чем устав старых тред-юнионов; их низовые функционеры, как правило, принадлежали к менее консервативным элементам и не получали окладов. Радикализация массового состава этих организаций происходила местами еще быстрее, чем полевение тред-юнионов. Хотя группа Бивена контролировала только одну девятую часть лейбористского исполкома, стано-

²² «Whitaker's Almanack», London. 1952, p. 575.

вилось ясно, что удельный вес оппозиционных местных организаций внутри партии продолжает непрерывно расти.

Привилегированная каста теряла позиции и в профсоюзном и в политическом секторе лейбористского движения.

В «верхних этажах» лейборизма происходили явления другого порядка, но также способствовавшие общему ослаблению укоренившейся реформистской системы. Разлагалась и вырождалась сама головка рабочей аристократии, ее старый штаб. Рабочую массу праволейбористская политика толкала влево; боссов их собственная политика во многих случаях уводила прочь от рабочего движения, непосредственно в стан классовых врагов пролетариата.

Ряд старых тред-юнионистских руководителей, в частности инициаторы крупных стачек конца прошлого и начала текущего века, которые и позднее еще сохраняли связь с массами, не отходя слишком далеко вправо, уже в двадцатых и тридцатых годах сошел со сцены. Оставшиеся в живых профсоюзные лидеры типа Уилла Торна или Бена Тиллета либо находились в отставке, либо уже не играли никакой роли в аппарате. Отдельные честные ветераны, давно изгнанные реформистским руководством, как престарелый Том Манн, еще после первой мировой войны нашли дорогу к партии коммунистов. Но все эти люди не принадлежали к штабу рабочей аристократии.

Ее вожаки после второй мировой войны избрали свой собственный путь, тот путь, которым до них шли их учителя Макдональд и Томас и который вел прямо в среду буржуазии. Правда, они вступали в эту среду не открыто, как в свое время Макдональд и его друзья, а под камуфляжем — не присоединяясь к консерваторам и оставаясь лейбористскими сановниками. В этом отношении, по крайней мере, они учли урок, невольно данный их предшественниками, и действовали более осмотрительно.

Компаньоны и воспитанники Бевина не могли пойти на то, чтобы дискредитировать себя в глазах масс так же бесцеремонно, как это делали праволейбористские политики из «парламентского» сектора, становившиеся директорами и консультантами частных акционерных компаний. Это слишком скомпрометировало бы их учеников и заместителей в тред-юнионистском руководстве, которым попрежнему приходилось иметь дело непосредственно с рабочими, попрежнему обнадеживать и уговаривать их. Ситрин не мог стать директором электротехнического треста: это ударило бы по Тьюсону и Дикину. Но он мог стать председателем нового государственного управления электроэнергетической промышленности, получая оклад в 8 500 фунтов стерлингов и имея своим заместителем консервативного сановника сэра Генри Селфа, а одним из своих сотрудников директора электротехнической монополии сэра Уильяма Уокера²³. Это рассматривалось лишь как назначение лейбористского ветерана на важный административный пост. Практический результат для Ситрина был тот же, что и для лейбористских бизнесменов: он включался в круг крупной буржуазии.

На деле новые «национальные управления» английской промышленности были не чем иным, как своеобразными государственно-капиталистическими синдикатами, связывавшими монополистов — главных руководителей — с праволейбористскими лидерами, преимущественно тред-юнионистскими «боссами». И те и другие, вопреки интересам рабочего класса и всего народа, извлекали выгоды из сохранения монополистической и государственно-капиталистической системы. Это была своеобразная форма сращения реформистской бюрократии с монополистическим капиталом.

²³ «Labour Research». London August 1948, p. 157.

В государственные управления национализированной промышленности были введены не отдельные, случайные кандидаты из лейбористских рядов, а как раз проверенные лица из старого командного состава рабочей аристократии, люди, десятилетиями руководившие ее кадрами. Немалая часть из них принадлежала к личному окружению Бевина и Ситрина, многие были в тот или иной период членами Генсовета. Некоторые устраивались в национализированной промышленности по своей «специальности», другие назначались в управления, не имевшие никакого отношения к их тред-юниону. Вся эта группа профбюрократов обеспечивала свое личное благополучие не намного хуже, чем это делали лейбористские политики, становившиеся директорами акционерных компаний. Правда, они не получали дивидендов, как последние, но их государственные оклады — большей частью в размере от 3 500 до 8 500 фунтов стерлингов в год — так же, как и их сановитые посты и дворянские титулы, фактически роднили их с избранным буржуазным обществом.

Продолжая принадлежать к ядру праволейбористского руководства, эта группа слившихся с государственным капитализмом тред-юнионистских «баронов» окончательно порывала с рабочими массами уже не только в своей политике и своей социальной психологии, но и в организационном отношении. Один из «принципов», соблюдающихся при проведении капиталистической национализации в Англии, предусматривает, что деятели профсоюзных организаций или частных фирм, назначенные на постоянные посты в государственных управлениях, обязаны сложить свои прежние полномочия. Тем самым устраняется возможность воздействия на бывших тред-юнионистских вожakov со стороны рядовых членов профсоюзов. Эти вожаки теперь уже и формально «независимы» от рабочего класса, но в максимальной степени зависимы от монополистов, сидящих в соседних кабинетах «государственного» управления. Связанные круговой порукой с ними, «совместной ответственностью», бывшие боссы стали прямыми противниками рабочих на государственных предприятиях, лично заинтересованными в их эксплуатации и повиновении, лично ощущающими всю силу их сопротивления и ненависти.

Так на глазах у всех разлагается старая гвардия рабочей аристократии, самое коренное, исконное ядро английского реформизма, еще участвовавшее в его создании. Деятели типа Ситрина из «верхних этажей» лейборизма уходят к монополиям, чувствуя, что в «нижних этажах» дело неладно, что массы беспокойны и в недалеком будущем могут приступить к более активным действиям; что карьера правого английского профсоюзного лидера уже не может считаться обеспеченной, безопасной профессией; что лучше всего, пока еще есть время, перебраться в кабинеты старых патронов из Сити.

Правда, ситрины оставляют в тред-юнионах своих уполномоченных и учеников — тыюсонов, уильямсонов, джонсов и других. Но и наследники думают о том, как бы поскорее пройти свой стаж, стать лордами и бюрократами в системе государственного капитализма. Некоторые из наследников даже не принадлежат к старому рабоче-аристократическому слою. Заместителем Тыюсона, то есть кандидатом на пост руководителя всего профсоюзного движения страны, был назначен в 1947 г. воспитанник Оксфордского университета и правительственный чиновник Джордж Буд-²⁴ — явление, совершенно неслыханное в истории тред-юнионизма.

Помимо всего прочего, преемники Бевина и Ситрина в тред-юнионах уже не располагают выдержкой и апломбом своих предшественников. Калибр представителей того или иного социального слоя определяется, как известно, прежде всего общественной ролью этого слоя в данный исторический период. Эпигоны Бевина, который сам был представителем нисходящей рабочей аристократии, но еще чувствовал за собой силу, уже

²⁴ «Who's who?». London. 1954, p. 3209.

не могут позволить себе действовать в борьбе с рабочим классом так же уверенно, как их учитель: не те времена, не то соотношение сил. Правые тред-юнионистские лидеры пятидесятых годов — такие же непримиримые противники передового пролетариата, как их предшественники, и немногим уступают им по части изобретения репрессий против прогрессивных рабочих, в искусстве одурманивания масс. Но в глубине души они испуганные люди.

Таков характер этой части нынешней праволейбористской верхушки. Доминирующая роль представителей рабочей аристократии, составлявшей незначительное меньшинство лейбористского движения, по существу, перехвачена сегодня еще несравненно более узкой группировкой — новой реформистской плутократической кастой. Эта новая каста состоит в основном из трех элементов: монополистов, непосредственно внедрившихся в лейбористский аппарат в послевоенные годы, правых социал-демократических политиков, ставших капиталистами и прямыми участниками монополий, и тред-юнионистских лидеров, ставших, опять-таки в компании с монополистами, управителями государственных капиталистических предприятий, руководителями «национализированной» промышленности. Именно эта узкая новая каста по всем признакам подчинила себе в послевоенный период аппарат лейбористского движения — его политический сектор (собственно лейбористскую партию) и его тред-юнионистский сектор. Официальные лидеры и ведущие правые функционеры лейбористской партии являются либо непосредственными членами, либо агентами реформистской плутократии.

Значительная часть новой плутократической касты, фактически руководящей лейбористской партией, вышла из рядов старых вожakov рабочей аристократии или тесно связанной с ней мелкой буржуазии. Но связь этих вожakov с ослабленной рабочей аристократией, очевидно, уже не столь прочна, как это было в прошлом. Они все еще рассчитывают на ее поддержку и пытаются мелкими подачками кое-как задержать ее дальнейший упадок. Но их главные повседневные интересы переключены в сферу непосредственных потребностей частного и государственного капитализма, и их политика, так же как и политика самого капитала, объективно уже не способствует действительному, стабильному улучшению положения рабочей аристократии. Наоборот, как показывают факты, эта политика на деле во многих отношениях содействует ухудшению условий жизни бывшего привилегированного слоя рабочих, хотя и не в такой мере, как основной массы пролетариата. Достаточно вспомнить о налоговом бремени в результате гонки вооружений.

Сегодня значительная часть праволейбористского руководства связана с капиталом не только идейно и политически, но и социальным родством. Нынешние праволейбористские политики-бизнесмены заинтересованы не только в эксплуатации колониальных народов, как их предшественники в предыдущие периоды, но и в эксплуатации самого английского рабочего класса. Если эта эксплуатация приводит к обострению отношений с регрессирующей рабочей аристократией, — тем хуже для нее; некоторые из ее бывших любимцев, обеспечивших свое личное благосостояние в государственных промышленных управлениях или в акционерных компаниях, на худой конец готовы и на это. С их точки зрения, предаваться отчаянию по поводу ухудшающегося положения рабочей аристократии не стоит: она примирится со своей судьбой и будет, хотя бы в силу традиций или в надежде на лучшее будущее, служить попрежнему. Так или иначе, она уже, по их мнению, неспособна на месть.

В этом, очевидно, и заключается одна из наиболее глубоких причин хронического внутреннего кризиса, изматывающего лейбористскую партию в послевоенные годы. Ослабление рабочей аристократии ослабило и позиции правосоциалистических лидеров в их борьбе с наступающими передовыми слоями рабочего класса; не настолько, чтобы привести этих

лидеров к падению, но все же настолько, чтобы из года в год ставить на карту их власть над лейбористским движением.

Процесс политического обновления этого движения длительный и сложный. В Англии, где сила традиций, навыков, устаревших организационных форм всегда заметно тормозила темпы общественного развития, экономические и социальные изменения переходят в политические нередко медленнее, чем в других капиталистических странах, и это особенно относится к рабочему движению.

Но не только сила традиций замедляет сегодня падение правого лейбористской верхушки, несмотря на продолжающееся увядание рабочей аристократии. Английский реформизм пытается возместить потерю своего реального политического веса, измеряемого на социальных весах, искусственным организационным весом, приобретаемым при помощи манипуляций его партийного аппарата. Хорошо известно, что фальсифицирующая действительное соотношение сил в лейбористской партии «машина голосования», управляемая исполкомом, уже не раз спасала правых лидеров от неминуемого поражения. Не голоса большинства членов лейбористской партии, а «пакеты голосов» в бесконтрольном распоряжении трех или четырех наиболее реакционных тред-юнионистских руководителей решают сегодня, по существу, исход лейбористских конференций. Достаточно указать на то, что правая верхушка одного лишь тред-юниона транспортников и неквалифицированных рабочих, в котором когда-то господствовал Бевин, в настоящее время «контролирует» на ежегодных конференциях лейбористской партии 1 млн. голосов и совершенно произвольно распоряжается этими голосами массы рабочих. Правые лидеры союза горняков несколько не стесняются голосовать на лейбористских конференциях от имени своих членов за политику, против которой перед тем высказались конференции их собственного союза. Используя устаревшие организационные формы, анахронические правила устава, правый аппарат пытается подменить собой массы. С помощью подобных методов смещение группы Эттли — Моррисона предотвращалось старыми боссами уже несколько раз. Они же неизменно пускают в ход испытанную тактику запугивания делегатов. Но к каким ухищрениям ни прибегал бы реформистский аппарат, ясно, что таким путем он может лишь отдалить развязку, а не избежать ее.

Разумеется, было бы совершенно неправильно делать из всего этого вывод, что рабочая аристократия в Англии уже сходит со сцены. Ее сила отнюдь не сломлена. Она продолжает существовать и, несомненно, все еще сохраняет свое идеологическое и организационное влияние на рабочее движение, но далеко не в той мере, как в былые времена. Нельзя отрицать, что за последние полвека, особенно со времени второй мировой войны, она заметно ослабела. Такие события, как полевание одного из ее старейших бастионов — тред-юниона машиностроителей — или как забастовка наиболее высоко оплачивавшейся категории железнодорожников в мае — июне 1955 г., показывают, что даже в организациях, считавшихся бастионами рабочей аристократии, реформистское соглашательство уже не пользуется всеобщей безусловной поддержкой. Английская рабочая аристократия не в состоянии вернуться к прошлому, к XIX веку, восстановить свою былую мощь и привилегии, ибо та сила, которая создавала ее мощь и дарила ей привилегии — английский капитализм, — сама находится на ущербе.

Старая социальная структура правого лейборизма не разрушена, но поколеблена. Зданию, построенному Макдональдом и Гендерсоном, во второй половине XX в. грозит обвал. Наследники Бевина лихорадочно пытаются подвести под него новый фундамент. Они ищут для себя новой опоры в среде «социалистических бизнесменов» и в рядах мелкой буржуазии, на часть которой опирались и раньше. Однако едва ли эта опс-

ра может спасти старое здание. Ни социал-демократическая плутократия, ни мелкая буржуазия не могут заменить для реформистской верхушки и для английского монополистического капитала рабочую аристократию.

Рабочая аристократия, по крайней мере, сохраняла известный контакт с массами низкооплачиваемых рабочих, если не в политической, то в социально-трудовой сфере. Она была связана с ними совместным участием в производственном процессе, работой на тех же заводах и фабриках, проживанием в тех же городских кварталах, встречами в залах и клубах тех же лейбористских организаций. Получая крохи от максимальной прибыли капитала, рабочая аристократия высокомерно отделяла себя в политике и в быту — как прежде и в тред-юнионах — от «низших» слоев, но все же жила и трудилась бок о бок с ними и сохраняла возможность воздействовать на них или даже подчинять их себе.

Реформистские бизнесмены и ведущие бюрократы живут и действуют в другом классовом мире — в мире, противоположном классу рабочих. Они сталкиваются с рабочими на митингах или через посредство лейбористской печати и радио, но сталкиваются с ними большей частью как представители почти неприкрыто антагонистических интересов. Каждый раз, когда происходит такая встреча, они чего-то требуют от рабочих, пытаются что-то от них отнять; обещания, которые они тут же расточают, назавтра рассеиваются в прах, заверения, которые они дают, идут вразрез с фактами.

К рабочей аристократии принадлежали сотни тысяч людей, и все же она являлась лишь узкой прослойкой в рабочем классе. Центральное ядро нынешней прав лейбористской плутократическо-бюрократической касты состоит из нескольких сотен человек; корпус чиновников и различных агентов этой касты насчитывает несколько тысяч. Правда, к ее услугам еще большой технический аппарат для воздействия на рабочих — пресса, радио, пропагандисты и «теоретики». Но такой же аппарат существовал и в прошлом. Вряд ли он может заменить прямую социальную опору, заменить людей, непосредственно подпирающих реформистское руководство, как подпирала его рабочая аристократия.

Энгельс, непосредственно наблюдавший процесс зарождения лейборизма, подчеркивал неизбежность перелома в английском рабочем движении, отхода масс от оппортунизма. «Истина такова,— писал он в 1885 году,— пока сохранялась промышленная монополия Англии, английский рабочий класс в известной мере принимал участие в выгодах этой монополии. Выгоды эти распределялись среди рабочих весьма неравномерно: наибольшую часть забирало привилегированное меньшинство, но и широким массам временами кое-что перепало. Вот почему, с тех пор как вымер оуэнизм, в Англии больше не было социализма. С крахом промышленной монополии Англии английский рабочий класс потеряет свое привилегированное положение. Наступит день, когда он весь,— не исключая привилегированного и руководящего меньшинства,— окажется на таком же уровне, на каком находятся рабочие других стран. И вот почему социализм снова появится в Англии»²⁵.

Нынешняя действительность подтверждает прогноз Энгельса, сделанный семь десятилетий назад. По мере углубления кризиса английского капитализма ослабляется и мощь реакционной английской рабочей аристократии. Она пытается удержать свои позиции, спасти свои крохи от максимальной прибыли и свои привилегии, сохранить свой контроль над рабочим движением. Но бороться с историей и ей не под силу.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. II, стр. 275.